

ЧАЙНИЧЕКЪ.

Разсказъ.

1.

На Бассейной дворникъ купалъ собаку.

Дворникъ выкатилъ со двора килку на тротуаръ, привинтилъ килку, открылъ кранъ и пустилъ поливать камни. Тутъ подвернулась собака—брызнуло въ собаку, другая бы убѣжала, а эта халнула ртомъ и стала. Дворникъ еще надбавилъ, а она опять ловить: должно быть, здорово пропарилась, бѣдняга, и пить очень хотѣлось. Камнямъ тоже попить хотѣлось...

Дворникъ купалъ собаку.

Прохожіе щерились, облизывались, вытирали потъ,—одобряли собаку: наставить дворникъ килку да холоднымъ какъ пустить, а она—хапъ!—знай себѣ, ловить. Распаренные и очумѣлые, высывались изъ трамваевъ, кивали и подмигивали собакѣ, и было очень весело, глядя на собаку.

Павель Герасимовичъ Воробушкинъ, проходя по Бассейной, засталъ не мало всякихъ любопытныхъ.

Собака тѣмъ временемъ насытилась и не прочь была убѣжать куда на солнышко. Да, конечно!—пора было отпустить собаку и приняться за мостовую—за камни, которымъ тоже попить хотѣлось, но ужъ ее, голубушку, держали.

Дворникъ купалъ собаку.

Дворникъ сердился—собака рвалась: вотъ вырвется и, пропятая до кости, всѣхъ перекусаеть.

Никто не понималъ, да и мудрено было понять, какъ это такъ возможно въ такую жару и отъ холодной воды отбиваться, и всѣ были на сторонѣ дворника, лютѣвшаго на собаку.

Воробушкинъ, по душѣ жалостливый, хотъ и пожалѣлъ собаку,—ну, что бы такое было, если бы такъ съ человѣкомъ муд-

ровали!—но своя неутоленная жажда и духота мостовая такъ и его одолѣвали, что не могъ онъ, и жалѣя, не сочувствовать дворнику—доля промокшей до кости собаки была завиднѣе и его доли и доли дворника, явившагося не отъ чего, какъ отъ этой жары невозможной.

А ужъ дворникъ расплевался съ собакой—чортъ съ ней, съ собакой!—перемѣнилъ руку, да какъ пустить, только носомъ зашмыргали.

Съ тѣмъ Воробушкинъ и пошелъ къ себѣ на Дегтярную чай пить.

Павель Герасимовичъ Воробушкинъ человекъ одинокій и служба его маленькая и самъ онъ такой, что такому и въ добровольцы откажутъ. Служба Воробушкина маленькая и по нынѣшнимъ временамъ жизнь трудная: сами знаете, розанчикъ вчерашній къ утреннему чаю себѣ положишь на конфорку, а онъ и проваливается! Служба маленькая—мѣсто незначительное, а связи не малыя—большіе заправилы и все пріятель Павла Герасимовича! Какъ сказать, свищетъ что ли человекъ, коли посчастливится ему, или по природѣ своей такъ ужъ человекъ и родится со свинячьей склонностью, проявляющейся въ жизни человека при благоприятныхъ обстоятельствахъ,—вѣдь, какіе пріятель: и душа нараспашку и совѣтъ твой выслушаетъ, а то, что вчерашній вотъ розанчикъ разогрѣвать на конфоркѣ приходится, этого какъ-то никто не замѣчаетъ, или и замѣчаютъ, да толку отъ замѣчаній нѣтъ; и на службѣ Воробушкинъ который годъ все на одномъ и томъ же мѣстѣ: понижать не понижаютъ, но и повышенія не полагается.

Съ начала войны,—когда взяли Воробушкина квартирнаго хозяина—прапорщика, и хозяйка докторша „Савль“, гнавшая всю жизнь мужнину лампадку, затеплила ее въ углу, неугасимую—война поглотила все его существо: на службѣ и дома, въ комнатахъ своей на Дегтярной, онъ только и держалъ въ памяти то страшное человѣческое, не по человѣческому заваренное, дѣло, къ которому ни человеку, ни звѣрю немислимо привыкнуть.

Приходило время отпуска, а Павель Герасимовичъ и думать боялся объ отъѣздѣ, какъ будто съ Дегтярной онъ только и можетъ слѣдить за событіями, поутру передвигая флажки по стѣнной марксовой картѣ, и не сегодня-завтра выпадетъ ему на долю защищать самое Дегтярную. Но какъ тамъ, на Бассейной, пожалѣвъ собаку, надъ которой мудровали ошалѣлые отъ жары прохожіе съ дворникомъ во главѣ, позавидоваль онъ ей, до кости

пронятой, такъ и тутъ, въ комнатенкѣ своей подкрышной, прокуренной, не представляя себѣ другой жизни, кромѣ своей зимней съ газетами утренними и вечерними, онъ завидовалъ всѣмъ отъѣзжавшимъ на волю, хотя бы въ Озерки.

Слышалъ онъ, что никогда такъ не цвѣли поля, какъ въ этотъ, помутнѣлый отъ крови и горя, жестокой, роковой годъ, а на Москвѣ такой чудесный липовый цвѣтъ, вся Москва цвѣтетъ,—всполошились пчелы подмосковныя, не знай, куда и летѣть, и на Ивана Великаго рои сѣль.

Кто живалъ по нуждѣ лѣто въ Петроградѣ, тотъ хорошо знаетъ, что за удовольствія вечерами нетемными въ полуопустѣлыхъ каменныхъ домахъ. Окна раскрыты и на весь дворъ граммофонъ и съ сосѣдняго двора граммофонъ и какъ-то такъ безъ всякой отдышки, а тутъ еще какой любитель на скрипкѣ упражняется, либо пѣвецъ поетъ, и тоже, ну, хоть бы разокъ передохнулъ. А утихнетъ граммофонъ, оборвется скрипачъ, уймется пѣвецъ, другое пойдетъ ужъ обязательно, и это изъ вечера въ вечеръ и куда за полночь, ужъ кого-то щекочуть—должно быть, что щекочуть!—и тотъ оретъ, а чуть свѣтъ—молоткомъ по желѣзу, и звенить день-деньской на постройкахъ.

Въ ту ночь особенно было шумливо.

Въ большую квартиру съ забѣленными окнами съ вечера набрался народъ: съ дачи ли сами приѣхали, либо пріятелей своихъ пустили переночевать—окна, конечно, настезь, и видно, не простой приѣздъ, добра всякаго спиртного столъ уставленъ. Спервоначала-то все шло ничего, пили и кричали ура, потомъ на рояли играли, хорошо играли, а ужъ потомъ—совсѣмъ нехорошо!—хоромъ пѣть принялись и вѣдь какъ пѣли,—такъ и нарочно не сговоришься, такъ врозь.

Воробушкинъ пробовалъ заснуть, и такъ приладится и этакъ, и только что заведетъ глаза и вдругъ, словно надъ ухомъ, какъ харкнетъ... Вставалъ Павелъ Герасимовичъ, закуривалъ папирску, заглядывалъ въ окно: и ночь, а теплынь, что днемъ, и тамъ, въ третьемъ этажѣ, внизу среди пирующихъ какой-то огромный одинъ волосатый легкости ради обнажился и, неловко продвигаясь среди дамъ, показывалъ пальцемъ,—дамы визжали.

Былъ у Воробушкина пріятель Щелинъ Михаилъ Петровичъ, вмѣстѣ учились, замѣчательный человекъ... Впрочемъ, можетъ, это неправда, а только такая шла замѣчательная молва, будто какъ-то лѣтомъ за ужиномъ на сонъ грядущій Щелинъ въ варенцѣ жука проглотилъ, и, сами понимаете, жука имѣя во чревѣ, былъ будто бы по этой самой причинѣ, какъ жукъ, жудливъ

вечерами и особенно къ теплой погодѣ. Объ этомъ пріятелѣ своемъ, о Щелинѣ жудливомъ, въ душевной тоскѣ своей вдругъ вспомнилъ Павелъ Герасимовичъ, вспомнилъ полученное отъ него письмо, и уцѣпился, какъ за свое единственное спасеніе, и въ бессонный подутренній часъ рѣшилъ про себя, воспользовавшись отпускомъ, бросить Дегтярную да въ Качаны къ Щелину.

„Вотъ ужъ мѣсяць, какъ мы здѣсь, и такъ хорошо, что и въ войну перестали вѣрять...“—выговаривалось письмо щелинское, заманивая въ Качаны, гдѣ никогда еще такъ не цвѣли поля, какъ въ этомъ году.

И, рѣшившись ѣхать, Воробушкинъ повѣрилъ пріятелю и не только въ цвѣтъ полевой, но и въ безмятежіе житія качановскаго.

„Нашелся-таки уголокъ,—думалъ Павелъ Герасимовичъ,— есть мѣсто и среди пожара нашего, гдѣ про войну забыли!“

А потомъ спохватился:

„Да не шутить ли Михаилъ-то Петровичъ? Да и въ самомъ дѣлѣ, есть ли на русской землѣ хоть одинъ человекъ, который о войнѣ не помнитъ, и есть ли такое мѣсто на землѣ, гдѣ о войнѣ не слышно, развѣ что на кладбищѣ?“

И отчаявшись въ снѣ, подъ звонъ желѣза, досадоваль:

„Ишь, куда заманиваетъ!“

Но скоро и передосадоваль.

Щелинъ, кромѣ того, что жундѣль, т.-е. былъ невообразимо говорливъ, Щелинъ еще и чудилъ: вѣдь это онъ построилъ у себя, въ качановскомъ саду, кампанъ вродѣ такой калитки вертящейся—какъ попадешь, а попадешь непременно, потому что ужъ очень у заманчиваго мѣста въ уединеніи воздвигнута была эта самая калитка, и ужъ сколько ни бейся, а безъ посторонней помощи, а стало бытъ, и огласки, ни по чемъ не выскочишь! Конечно, чудакъ, и обижаться, досадовать—просто грѣшно.

И, передосадовавъ, на краткій часъ забылся Павелъ Герасимовичъ, и снилось ему, будто сидитъ онъ съ Щелинами въ Качаныхъ—съ Михаиломъ Петровичемъ и Марьей Сергѣевной и ѣдятъ раковъ: у него двѣ раковыя шейки въ рукахъ, а Щелины рачьи ножки сосутъ. И отдалъ онъ свои раковыя шейки по шейкѣ каждому—одну Михаилу Петровичу, другую Марьѣ Сергѣевнѣ, и остался у него рыбій хвостъ, и вдругъ пришла прачка и принесла узелъ съ грязнымъ бѣльемъ обратно. Съ тѣмъ и проснулся.

На слѣдующій день Воробушкинъ, за день окончательно рѣшившись покинуть свою Дегтярную, взялъ билетъ и сталъ понемногу укладываться. Еще черезъ день далъ телеграмму въ

Качаны. А въ субботу вечеромъ, Господи благослови, пустился въ путь.

Неужто-жъ черезъ какія сутки—и это правда!—попадетъ онъ въ такое мѣсто, на такую землю земли русской, гдѣ такъ хорошо, что и въ войну перестали вѣрить?

2.

Раннимъ утромъ Воробушкинъ проснулся. Поѣздъ стоялъ, ревели быки. Осторожно спустившись съ верха, гдѣ безъ подушки—по военному времени подушки не полагалось—проспалъ мирно трясучую ночь, вышелъ онъ на площадку, закурилъ и ему самому захотѣлось помычать—утро было такое свѣжее, такое ясное и какія-то птички пѣли, а онъ только и умѣлъ, что птичку представлять да мычать.

Конечно, быки мычали, быки ревели не отъ удовольствія, не этому утру свѣжему и ясному,—чуяли быки свою скорую смертку, а помирать кому же хочется, и вотъ вопіяли, обреченные, наперекоръ утру ясному: одинъ быкъ начиналъ, а въ его ревъ врывались другіе.

И когда застучалъ тяжелый бычій поѣздъ и всѣ быки заревѣли разомъ, пошелъ и человѣческій поѣздъ, а долго еще слышался ревъ, словно ура кричали.

Тутъ солнце поднялось надъ лѣскомъ такое яркое, въ глазахъ зарябило, и Воробушкинъ вернулся въ вагонъ и съ бокового порожняго мѣста, чуть пріотворивъ занавѣску—сосѣди еще мирно почивали,—глядѣлъ черезъ запыленное окно на пролетавшіе поля и лѣса, и рѣки и рѣчки, на просторъ нашъ рускій земли родимой, которую охватилъ пожаръ наперекоръ цвѣтамъ полевымъ, полямъ цвѣтущимъ, какъ никогда еще.

На скучной пересадкѣ, гдѣ приходилось поджидать не одинъ часъ, Воробушкинъ, напившись чаю, слонялся по платформѣ отъ вокзальной кухни—по случаю воскреснаго дня повара что-то очень вкусное стряпали—и дальше мимо телеграфа съ засматривающими изъ окна телеграфистками, до тесовой, выкрашенной въ желтое, лавочки для воинскихъ чиновъ, гдѣ надъ розовыми пряниками висѣла колбаса и стояли бутылки съ квасомъ.

У жандармской комнаты прямо на запыленной затоптанной травѣ лежала молодая баба съ груднымъ ребенкомъ, тутъ же и чайничекъ стоялъ. Говорили, что солдатка: проводила мужа, очень убивалась и теперь домой поѣдетъ.

На другой сторонѣ путей изъ церковки степенно выходили

мѣстныя барышни погулять по платформѣ. Въ церковкѣ звонили къ „Достойно“. А по путямъ взадъ и впередъ ходилъ законченный паровозъ съ чернымъ законченнымъ машинистомъ. Потомъ этотъ черный паровозъ пошелъ ходко—увели его за водокачку къ мосту, отзвонили къ „Достойно“, и къ станціи подошелъ товарный.

Три середнихъ вагона раскрыли, и какъ-то сразу, наваломъ, перелѣзая черезъ перегородку, а другіе подлѣзая, высыпали молодые парни—последній наборъ, налегкѣ, больше босикомъ въ пестрыхъ рубахахъ, и, перепрыгивая черезъ рельсы, бросились кто къ лавочкѣ, гдѣ надъ розовыми пряниками висѣла колбаса, кто за кипяткомъ на станцію.

Воробушкинъ стоялъ со старухами, болѣзнующими, глазѣя на ребятъ.

Воробушкинъ вглядывался, сравнивая себя, и ему показалось, что были и такіе ему подъ стать рядомъ съ крѣпышами и рослыми.

Какой-то въ зеленой рубахѣ, пожалуй, всѣхъ крѣпче, игралъ на гармоньѣ и такъ игралъ—залливался, не подымая глазъ съ ладовъ. И въ вагонѣ, за перегородкой въ кучкѣ оставшихся въ вагонѣ, игралъ какой-то. И не въ ладъ играли двѣ гармоньи, но такъ, задержись поѣздъ на сѣтки, и такъ же бы играли.

— У, бѣдныя!—прошамкала старуха.

Какой-то коричневый, вывернувшись изъ толпы, заложилъ руку за голову, вытопывалъ тяжелымъ сапогомъ около гармоньи и топалъ, и такъ безповоротно, топалъ ему такъ, пока тотъ зеленый не выронитъ гармоньи.

— У, бѣдныя!—качала головой старуха.

Звонка для товарнаго поѣзда не полагалось, безъ звонка по чьей-то окличкѣ бросились парни назадъ въ вагоны, и зеленый гармонистъ, оборвавъ игру, перескочилъ черезъ рельсы, но ужъ безъ гармоньи,—гармонью кто-то отнял у него по дорогѣ. И теперь въ вагонахъ другіе играли, было много гармоній, играли безъ ладу, но такъ, какъ на платформѣ зеленый.

Старуха безсловесно качала головою.

А когда пошелъ поѣздъ, изъ закрытыхъ вагоновъ, заглушая гармонью, закричали ура.

Воробушкинъ снялъ шляпу и было жалко ему чего-то—гармониста, у котораго отняли гармонью, или того, что вытопывалъ сапогомъ у гармоньи,—ему жалко было и горько. Съ горькимъ чувствомъ смутнымъ о Россіи, о родинѣ нашей, о землѣ родимой, согнувшись, пошелъ онъ по старой дорожкѣ слоняться отъ кухни до лавочки и обратно.

Изъ кухни чѣмъ-то очень вкусно пахло, повара стряпали, старались для воскресенья.

„Капуста любить сметану, а масла не спрашиваетъ!“

Въ тесовой лавочкѣ, выкрашенной въ желтое, надъ розовыми пряниками висѣла колбаса.

„По установленнымъ цѣнамъ!“—читалъ Воробушкинъ.

Женщина съ ребенкомъ лежала въ пыли на затоптанной травѣ у жандармской комнаты, какъ лежала, тутъ же и чайничекъ стоялъ.

„Проводила, сердешная, мужа!“

Приходилъ часъ обѣда, а поѣздъ опаздывалъ. Истощалось терпѣніе.

И когда, наконецъ, нагруженный дальними пассажирами, подошелъ къ станціи поѣздъ, и Воробушкинъ, не совсѣмъ-то благополучно протиснувшись, занялъ себѣ мѣстечко, стоялъ ужъ жаркій лѣтній день и въ вагонахъ, какъ у плиты, пыhalo.

Послѣ провѣрки билетовъ, не желая стѣснять сосѣдей, Воробушкинъ перешелъ на площадку.

На площадкѣ рядущкомъ тянулась къ окну такая востренькая съ двумя короткими косками и красной ленточкой Анюшка Богданова. Съ Анюшкой Воробушкинъ живо подружился, и всю остальную дорогу до самаго вечера занимала она его своими разказами.

Анюшкѣ двѣнадцать годковъ, перешла она нынче весной въ пятый классъ, умница, а ѣдетъ она отъ отца съ войны, отецъ ея кондукторъ въ командировкѣ, а ѣздила она отца провѣдать, возила говядины ему, да напрасно: у нихъ теперь тамъ этого всего вдоволь! Анюшка самая старшая и за ней еще пятеро, и на рукахъ ея хлопотъ куда полдома!—и матери она помогаетъ, и младшихъ братишекъ нянчить, и за коровой ходить. А встаетъ Анюшка поутру вмѣстѣ съ солнышкомъ, и оттого личико у нея такое загорѣлое и такая у ней во всемъ озабоченность. А ѣдетъ теперь Анюшка въ Москву къ дѣдушкѣ, тоже на желѣзной дорогѣ служить и дѣдушка, живетъ дѣдушка въ Сокольникахъ, и хоть впервой Анюшкѣ на Москвѣ быть, да такая не потеряется—до Сухаревой башни на восьмомъ номерѣ доѣдетъ съ вокзала, а тамъ спросить, добьется,—смѣтливая, ловкая дѣвочка. А къ отцу она въ третій разъ на войну ѣздитъ.

Слушая спутницу свою щebetунью умницу, думалъ Воробушкинъ о Россіи, о новой...

„Вотъ она, Россія хозяйственная и заботливая, эта Анюшка Богданова—Россія хозяйка! Съ годами подвырастетъ, выравняется,

всѣмъ обзаведется, хорошо поведетъ свой домъ и такъ не отдастъ добро, расчетливая, и къ себѣ, въ свой домъ, не пустить хозяйничать, вотъ она, Россія, молодая еще, Россія хозяйственная,—такую не проведешь, надъ такой не помыкаешься, хоть чѣмъ хочешь будь, хоть самимъ папой римскимъ, дай только Богъ, дай подрастетъ, Россія крѣпкая, непришибленная, умница, Анюшка Богданова!“

На войнѣ Анюшка много чего видѣла и о многомъ слышала, да ни въ какіе страхи она не вѣритъ и никакихъ слуховъ не боится, только боится Анюшка тумановъ удушливыхъ.

— Аеропланъ, — рассказывала Анюшка, — туманы пускаетъ: поднимется высоко-высоко и пустить, и оттого на пятнадцать верстъ народъ мретъ.

Анюшка шила въ школѣ повязки, батюшка заставлялъ, она знаетъ про удушливые туманы и плѣнныхъ она знаетъ: у нихъ душъ двѣсти живетъ, и хорошо живутъ—на работахъ.

— Идутъ съ обѣда,—рассказывала Анюшка,—пѣсни поютъ, хорошо какъ поютъ! Бабы спрашивали у плѣнныхъ: „А какъ у васъ нашимъ живется?“—„А хорошо, говорятъ, имъ живется, пообѣдаютъ и тоже идутъ, пѣсни поютъ!“

Удушливыхъ тумановъ боялась Анюшка, а плѣнныхъ несколько.

— А мира не будетъ!—вдругъ сказала Анюшка и такъ настойчиво это сказала: „не будетъ!“

Потянулъ холодокъ, туча нашла, много маленькихъ тучекъ теплыхъ,—тамъ гдѣ-то дождикъ пошелъ, и воздухъ такой сталъ легкій.

На послѣдней большой остановкѣ—поѣздъ почтовый—на маленькой станціи было необыкновенно людно.

Отъ дороги, усаженной березками, подходили къ станціи бабы, нарядныя по-воскресному, въ бѣлыхъ платкахъ. Жандармъ прогонялъ бабъ, и онѣ, помалкивая, уходили, но по бѣлымъ платкамъ видно было, какъ упорно собирались опять, только съ другого конца.

И только одну молодую бабу съ тремя ребятишками не погналъ жандармъ,—она ему что-то сказала, показавъ на ребятъ: маленького сама на рукахъ держала, другой голопузъ сбоку за юбку цапался, а старшій въ картузѣ впереди стоялъ съ прутикомъ,—ну, жандармъ и смиловался.

И когда тронулся поѣздъ, опять, какъ тамъ, на пересадкѣ, и въ почтовомъ поѣздѣ, только въ самомъ хвостѣ, закричали ура,—заколебались бѣлые платки, а старики обнажили головы.

Это новобранцевъ провожалъ народъ всѣмъ народомъ.

Воробушкинъ, высунувшись въ окно, долго смотрѣлъ туда, къ дорогѣ съ березками, и долго видѣлись ему бѣлыя колеблющіяся платки и сѣдые обнаженныя головы.

Это Россія всѣмъ народомъ провожала меньшихъ сыновъ своихъ, и какая скорбь чуялась въ ея молчаніи, и скорбь и покорность передъ судомъ Божиимъ.

Не жандармъ, прогонявшій бабъ,—голосить еще примутся!—не прапорщикъ, распорядившійся вагономъ—какой-нибудь сослуживецъ того же Воробушкина!—не они отнимали отъ родной земли молодую силу, чтобы тамъ, на бранномъ полѣ, совершивъ страшное человѣческое, не по-человѣческому заваренное дѣло, кровью своей покрыть землю, шель судъ Божій, и оттого въ молчаніи покорномъ среди колеблющихся бѣлыхъ платковъ и сѣдыхъ головъ такая скорбь чуялась.

3.

На станціи ждали щелинскія лошади.

И хоть Воробушкинъ своевременно телеграммой извѣстили пріятеля, точно высчитавъ день и часъ своего пріѣзда, лошадей, какъ оказалось, гоняли на станцію во второй разъ.

— Утромъ баринъ говоритъ: „Поѣзжай, Филиппъ, можетъ, пріѣхали, кто его знаетъ!“ Я и ѣздила,—объяснилъ качановскій кучеръ Филиппъ.

Воробушкина въ Качанахъ, какъ видно, ждали.

Только что прошелъ дождикъ, и вечеръ былъ такой чудесный, не надышишься, и ѣхать было легко по прибитой дождемъ дорогѣ.

Изъ распросовъ узналъ Воробушкинъ отъ Филиппа, что гостей понаѣхало въ Качаны многое множество: всякій день наѣзжаютъ новые, и весь домъ и флигеля заняты.

Переѣхали рѣчку, а за рѣчкой начался лѣсъ щелинскій.

По позднему вечеру затеплились двѣ звѣздочки, двѣ серебряныя и такія же подневольныя, сестры наши, звѣзды небесныя.

А проѣхавъ лѣсъ, поднялись на горку. И справа надъ садомъ заблѣли двѣ колокольни качановскія, вотъ и дома!

Гостя поджидалъ самъ хозяинъ. Михаилъ Петровичъ былъ очень доволенъ и привѣтливъ и, не давъ оправиться, потащилъ гостя прямо къ столу. По столу со всякими приставками съ конца до конца просторной столовой Воробушкинъ убѣдился, что гостей понаѣхало, дѣйствительно, не мало, и ему стало отчего-то грустно, но чай съ дороги разсвѣялъ грусть.

Воробушкинъ пилъ чай и рассказывалъ пріятелю о своихъ дорожныхъ встрѣчахъ, о молодой Россіи, которая идетъ умирать за родину, и о Россіи молчаливой и скорбной, покорной передъ судомъ Божиимъ, Россіи въ бѣлыхъ платкахъ и о новой подрастающей хозяйственной Россіи, непришибленной и крѣпкой, объ Анюшкѣ Богдановой.

— А мы тутъ и въ войну перестали вѣрить!—перебилъ хозяинъ.

Жукъ ли къ хорошей погодѣ встрепенулся въ щеллинскомъ чревѣ, либо разговоры Воробушкина такъ раздражили, Михаилъ Петровичъ, прервавъ гостя, захлебываясь, понесся рассказывать о всякомъ: и о войнѣ, и о пріятностяхъ и безмятежнн качановской жизни, и, давъ гостю насытиться и чаемъ и разговоромъ, повелъ въ маленькій домикъ—отъ дома рукой подать черезъ дорогу за флигелями.

И теперь по волѣ тѣ двѣ звѣзды и третья съ ними налились серебромъ чистымъ и мерцали въ ночи, серебряныя и такія же подневольныя, сестры наши, звѣзды небесныя.

За флигелями у дороги, весь открытый на солнцепекѣ, стоялъ домикъ, со стороны дороги въ розахъ и жасминѣ, тутъ, въ этомъ домикѣ, и поселится Воробушкинъ и найдетъ полное забвеніе и отдыхъ, а прислуживать ему будетъ пани Марія.

— Пани Марія, бѣженка изъ Калиша!—повторялъ Михаилъ Петровичъ, не по русскому сложенное, коверканное и какое-то для насъ, русскихъ, дурацкое газетное слово, которымъ обогатила жестокая роковая война нашъ ладный великій русскій языкъ,—бѣженка изъ Калиша!

И эта польская бѣженка, по настойчивому отзыву хозяина, не просто, а съ особой радостью будетъ служить гостю.

— Мы много ей помогали,—пояснилъ Михаилъ Петровичъ,—понимаете, вы понимаете, какъ она будетъ рада хоть чѣмъ-нибудь отблагодарить. Не стѣсняйтесь, пожалуйста!

Домикъ, въ которомъ расположился Воробушкинъ на полное забвеніе и отдыхъ, представлялъ собой одну большую низкую комнату, вдоль раздѣленную на двѣ половины тоненькой, не достигающей до потолка перегородкой, а большая русская печь еще поперекъ дѣлила эти половины, по печкѣ поставлена была другая поперечная переборка, и получалось въ домикѣ не одна, а цѣлыхъ четыре комнаты, и въ каждой комнатѣ было, какъ въ одной: чаю отхлебнешь—слышно, чихнешь—слышно, почешешь—слышно. Переднюю половину съ параднымъ крылечкомъ,

теплой печкой и ходомъ на балконъ занялъ Воробушкинъ, задняя же половина съ кухней, сѣнями и чуланчикомъ досталась пани Маріи съ ребятами: совсѣмъ маленькимъ и подросткомъ. Пани Марія жила во всемъ домикѣ и только для Воробушкина перебралась съ ребятами въ заднюю половину,—и это было такъ понятно и просто: пани Марія въ благодарность за всю ту помощь, какую ей оказали Щелины, конечно, съ радостью должна была потѣсниться для щелинскаго гостя!

Кровать поставили Воробушкину у печки и, хотъ тепло было и даже очень—пани Марія въ этой печкѣ на своей половинѣ кушанье себѣ днемъ стряпала и пекла хлѣбы—спалъ Воробушкинъ въ первую ночь, какъ убитый. И лишь сквозь сонъ слышалъ, какъ ночью жалобно плакалъ ребенокъ, а подь утро водовозъ привезъ воду,—или ужъ самъ качановскій благодатный воздухъ, которымъ съ вечера такъ полно надышался, нагналъ на него въ ту первую ночь сонъ крѣпкій, и плачь и стукъ ведерный не смутилъ его.

На утро, когда къ нему вошла пани Марія, еще совсѣмъ молодая, такая измученная и несчастная, и безъ улыбки, съ живою на измученномъ лицѣ скорбью принялась за уборку, Воробушкину, глядя на нее, даже неловко стало, и онъ бросился помогать ей, и не могъ не замѣтить, что особой радости, о которой вчера ему рассказывалъ хозяинъ, прислуживаніе это у нея не вызываетъ.

Утренній чай пилъ Воробушкинъ въ домикѣ—послѣ уборки пани Марія поставила самоваръ, что заняло времени довольно: труба для самовара была прямая, на волѣ—ничего, тянетъ, а въ кухнѣ—не очень способно.

Обѣдалъ Воробушкинъ въ домѣ со всѣми—и вправду, какъ въ стародавнія времена либо нынче, когда не больно разѣздишься, въ любой и самой неустроенной санаторіи, такой былъ съѣздъ въ Качанахъ, душъ тридцать гостей гостило! И какъ это у Миханла Петровича при всей его добротѣ душевной и хлѣбосольствѣ терпѣнія хватало—душъ тридцать гостей гостило!—а у Марьи Сергѣевны запасовъ?

Послѣ обѣда Воробушкинъ пилъ чай опять одинъ въ домикѣ.

Тутъ онъ еще пристальнѣе разглядѣлъ свою сосѣдку и еще большую почувствовалъ неловкость: не только ни о какой радости не могло быть и рѣчи, онъ ясно видѣлъ, что ухаживаніе за нимъ было ей въ тягость.

Пани Марія, приготовляя къ самовару, задержалась въ его половинѣ и рассказала всѣ свои бѣды—весь свой калишскій ужась.

Пани Марія жила въ Калишѣ, мужъ ея техникъ служилъ тамъ на заводѣ. Скопили они деньжонокъ и купили домъ, думали, жить имъ поживать въ ихъ новомъ домѣ, да и дѣтямъ останется. А когда началась война, нѣмцы вошли въ Калишъ, первымъ попался ихъ домъ, его и сожгли,—домъ ихъ стоялъ около казармъ какъ разъ на углу. Такъ кончилась счастливая мирная жизнь. Бездомные, уходили они изъ Калиша трижды и трижды возвращались,—надѣялись, придутъ русскіе, отобьютъ его у нѣмцевъ! А хоронились они въ погребѣ, и это было самое тяжкое время: мальчикъ кричитъ, плачетъ, вотъ ихъ откроютъ, и ужъ никому не будетъ пощады. Безпощадно расправлялись съ такими въ тѣ дни, и много погибло и дѣтей и женщинъ. А надрожавшись въ погребѣ, когда стало ясно, что надѣяться не на что, имъ оставалось одно, бездомнымъ, бросить и родную землю и идти, куда глаза глядятъ. Со старшимъ мальчикомъ пошла пани Марія, а младшаго—младшему и семи мѣсяцевъ не было—взялъ мужъ на руки. Ее пропустили—ничего, и старшаго мальчика пропустили, а мужа не хотятъ, не пропускаетъ часовоѣ.

— Смотрю,—разсказывала пани Марія,—ужъ цѣлится, а мужъ стоитъ, поднятъ руку и мальчика поднятъ: „Не стрѣляй, молъ, или и ребенка не пощадишь?“ Ну, видно, у того свои были дѣти, вспомнилъ и опустилъ ружье. Такъ и спаслись.

Такъ и спаслись—сохранилъ ихъ Богъ, и хоть съ пустыми руками, бездомные, а вышли изъ бѣды сами-то цѣлы.

Пани Марія разсказывала горячо, съ какой-то изступленной клятвой поминая Пана Іезуса и Матерь Божію. И только коснувшись уличныхъ ужасовъ, пожаровъ, убійствъ и насилій всякихъ надъ дѣтьми и взрослыми, надъ старикомъ ксендзомъ, котораго волочили по улицамъ, только коснувшись непремѣнныхъ подробностей того страшнаго человѣческаго, не по человѣческому завареннаго, дѣла, передавая случай, какъ на улицѣ убили отца и мать, а бывшую съ ними ихъ дѣвочку, дочь маленькую, оставили, и какъ эта самая дѣвочка, очутившись на мостовой между убитыми, не понимая ужасной участи матери и отца, беспомощная, обращалась къ нимъ, какъ къ живымъ,—папа! мама!—и, не получая отвѣта, теребила ручонками то одного, то другого, все повторяя: папа! мама!—голосъ пани Маріи вдругъ зазвучалъ подѣтски беспомощно, будто сама она и была этимъ покинутымъ среди убитыхъ на мостовой ребенкомъ, которому ни отецъ, ни мать не отвѣтятъ, и, какъ ни тереби, не помогутъ, и, какъ ни плачь—мама! папа!—не сохранять отъ бѣды, и она заплакала.

Пани Марія стояла у раскрытой двери въ ту заднюю полови-

ну, куда ее загнали ради Воробушкина, и плакала, и видно было и чуялось въ слезахъ ея горькихъ, что не дѣвочку ту безпомощную такъ жаль ей и не по ней она такъ горько плачетъ, а себя ей жалко, домъ свой новый сгорѣвшій, хозяйство свое, добро нажитое, свою покинутую разграбленную землю, свое сиротство на нашей русской землѣ...

И зачѣмъ они домъ купили? положить бы имъ скопленные деньги въ банкъ, цѣлы были бы, и теперь на чужой землѣ съ такими деньгами не пришлось бы просить, и ее никто не потѣшилъ бы, она нашла бы себѣ свой уголъ и тутъ, вдали отъ родной земли!

Не скоро успокоилась—пани Марія все плакала—а когда высохли слезы, ужъ не такъ, не тѣмъ голосомъ, только жалобно, рассказала она Воробушкину, какъ Щелины нашли ее въ Москвѣ и поселили у себя въ Качанахъ, пріютили въ этомъ самомъ домикѣ, старшаго мальчика обѣщаль Михаилъ Петровичъ устроить съ осени въ городское училище, мужу на станціи мѣсто выхлопоталь, тамъ и живетъ онъ на мѣстѣ, и какъ не оставляютъ ея: Марья Сергѣевна даетъ ей муки, молока и картофелю, мужъ получаетъ на станціи маленькое жалованье и безъ поддержки съ ребятами никакъ невозможно!—и какъ Марья Сергѣевна выходила зимой ея младшаго мальчика—простуженный, безъ ея помощи не выжилъ бы мальчикъ!—и какъ за все это она благодарна Щелинымъ: и Михаилу Петровичу и Марьѣ Сергѣевнѣ.

Самоваръ погасъ за разговорами, пришлось раздуть заново и долго еще дожидаться запоздалаго послѣобѣденнаго чаю.

Ужиналъ Воробушкинъ въ домѣ со всѣми.

Послѣ ужина жукъ во чревѣ щелиномъ былъ особенно игривъ и проказливъ, и обычно Михаилъ Петровичъ, поймавъ какого-нибудь неискупеннаго гостя, отпраплялся на прогулку, занимая гостя своимъ неистощимымъ разговоромъ жуку въ угоду. Если же спутника не случалось, остервенѣлый, ходилъ онъ съ вынутымъ языкомъ, который у него за отсутствіемъ собесѣдника просто болтался: жукъ начиналъ играть во чревѣ, слова лѣзли на языкъ, а говорить не съ кѣмъ, и оттого языкъ болтался.

Воробушкинъ, само собой, попалъ въ спутники къ Михаилу Петровичу и, улучивъ минуту, распросилъ о пани Маріи, и рассказанное ею все подтвердилось.

— Она рада чѣмъ-нибудь отблагодарить насъ и съ радостью вамъ будетъ прислуживать. Не стѣсняйтесь, пожалуйста!—повторялъ Михаилъ Петровичъ.

Послѣ прогулки ждали чаю на сонъ грядущій.

Изъ щелинскихъ гостей, проводившихъ въ Качанахъ дни свои въ полномъ забвеніи и отдыхѣ, оказалось не мало замѣчательныхъ стратеговъ, которые, начитавшись газетъ и принимая всякіе изустные, часто вздорные, подчасъ и корыстные, слухи за истинную правду, ловко обсуждали ходъ военныхъ дѣйствій и предсказывали событія.

Въ этотъ вечеръ всѣхъ занимало московское извѣстіе о пчелиномъ роѣ, сѣвшемъ на Ивана Великаго: что все сіе значитъ?

А старая тетушка въ большемъ возрастѣ съ сѣдыми позелѣнѣвшими завитками, прислушиваясь къ разговорамъ, все недоумѣвала.

— Да почему же, — удивлялась она, — не соберутся державы и не перестрѣляютъ всѣхъ нѣмцевъ?

4.

Съ каждымъ днемъ Воробушкинъ убѣждался, что не только какого забвенія, но и самаго простого отдыха, о которомъ такъ много толковалъ и сулилъ ему въ Качанахъ Михаилъ Петровичъ, не было и быть не могло.

Пани Марію, въ этомъ онъ окончательно убѣдился, тяготило прислуживаніе — п самовары и уборка. Пани Марія за перегородкой у себя такъ вздыхала, словно вся душа у ней обрывалась.

Какой ужъ тутъ отдыхъ, какое забвеніе!

Ночью плохо спалось — очень было душно и жарко отъ печки, и особенно въ тѣ и безъ того жаркіе дни, когда пани Марія пекла хлѣбы, а мальчикъ, котораго выходила Марія Сергѣевна, не очень то здоровый, по ночамъ кричалъ и плакалъ.

Справится Воробушкинъ съ горячей печкой, кое-какъ приладится, кажется, забудетъ всякую печку, и вдругъ проснется: ребенокъ кричитъ! Пани Марія утѣшаетъ, а онъ все кричитъ — можетъ, поѣлъ чего, можетъ, и ему жарко, а можетъ, растеть, и пани Марія, переговоривъ всѣ ласковыя слова, которыхъ такъ много знаетъ польскій языкъ, начинаетъ ужъ съ мальчикомъ, какъ съ взрослымъ, начинаетъ укорять его, не говорящаго еще и самыхъ простыхъ словъ, пеняетъ ему, что покоя съ нимъ нѣтъ, совсѣмъ измучилъ, что и такъ она несчастная, загнанная она на чужой землѣ, а еще и онъ ее разстраиваетъ. А ребенокъ все кричитъ и кричитъ. И тогда ужъ безъ словъ, безъ укора раздаются сухіе шлепки, а въ отвѣтъ такой подымается крикъ, отъ котораго въ ушахъ звенитъ, — куда звонъ желѣза на стройкахъ! — и падаетъ сердце.

Успокоится мальчикъ—всему есть пора: и слезамъ, и крику, такому дѣтскому крику, о которомъ не выскажешь, дѣтскому,—затихнетъ мальчикъ, и пани Марія успокоится, приладится и Воробушкинъ, кажется, забудетъ всякій крикъ, и вотъ, словно не проходить и минуты, опять проснется: водовозъ пріѣхалъ, воду привезъ—стучить ведрами, лить воду.

Послѣ такой ночи, когда входила пани Марія, такая вся несчастная, у Воробушкина языкъ не повертывался о чемъ-нибудь попросить, онъ старался дѣлать все, что возможно, самъ, и если заговаривалъ, а ужъ, значить, надо было заговорить по необходимости, пани Марія, вся измученная, смотрѣла на него не только непривѣтливо, но даже и враждебно: да и какъ ей по-другому смотрѣть—вѣдь всю-то ночь... повозись-ка ночь съ ребенкомъ, а тутъ еще самовары, да и не привыкла она, она никогда не прислуживала и прислугой не собиралась быть! И, прибравъ кое-какъ комнату, пани Марія за перегородкой у себя такъ вздыхала, словно вся душа у нея обрывалась.

По близости случился пожаръ.

Пожаръ увидала пани Марія и сказала Воробушкину.

А какъ она вся, какъ листъ, дрожала и въ глазахъ ея горѣло—это горѣлъ домъ ея тамъ, на землѣ покинутой, ея земля горѣла и все то счастье и миръ, котораго она съ мужемъ доби-лась, ея счастье горѣло!

Воробушкинъ бѣгалъ смотрѣть на пожаръ: къ пожару всегда тянеть. Пожаръ былъ неподступный—горѣлъ льняной заводъ съ керосиномъ и нефтью, и по вѣтру огненные стружки отъ стройки, какъ огненные птицы, летѣли. Но не въ этомъ, не въ пожарѣ было грозно и страшно, а страшно было, когда побѣжалъ народъ всѣмъ народомъ тушить пожаръ,—заводъ принадлежалъ крестьянамъ, товариществу. И надолго осталось въ памяти, какъ тащили огромные черные багры, и видѣлась Воробушкину Россія—пожаръ, и бѣжить народъ и, какъ послѣднее, тащатъ эти огромные черные багры.

„А что если поджоги?“—подумалось тогда, и увидѣлъ онъ въ глазахъ бѣжавшаго народа тотъ же самый вопросъ.

И было грозно и страшно.

Глаза искали: кто поджегъ? гдѣ поджигатель?

И онъ видѣлъ Россію—пожаръ, и бѣжить народъ и, какъ послѣднее, тащатъ эти огромные черные багры не тушить пожаръ неподступный, такого такъ не затушить—воля Божья!—а бѣжить народъ справляться съ тѣми, съ тѣмъ, на кого скажетъ, не крикнетъ, а только скажетъ тотъ вонъ рыжій всклопо-

ченный мужикъ, прибѣжавшій за много верстъ изъ дальней деревни.

Михаилъ Петровичъ съ ногъ сбился, онъ и самъ тушилъ, а больше распоряжался. Слава Богу, заводомъ и кончилось, а то долго-ль до бѣды—при такомъ вѣтрѣ да всѣ Качаны какъ слизнуло-бъ!

Въ домѣ разговоръ на время перешелъ только къ пожару: надо было хоть какъ-нибудь возстановить добро, а кромѣ того, дѣлились свѣжими впечатлѣніями. Михаилъ Петровичъ собралъ крестьянъ и съ ними всякое толковалъ. И жукъ въ щелиномъ чревѣ затаился, какъ и вовсе не было. А черезъ день все было рѣшено и подписано: въ городъ посланы прошенія о ссудахъ и льготахъ и положенъ началъ новой стройки. И опять все пошло по-старому.

Тутъ только замѣтилъ Михаилъ Петровичъ перемену въ гостѣ: Воробушкинъ пріѣхалъ куда веселѣе, а за эти нѣсколько дней со всѣмъ захудалъ и бродилъ скучный.

Послѣ ужина, прогулявшись на пожарище, куда по привычкѣ стали ходить вмѣсто прогулки, Михаилъ Петровичъ зашелъ въ домикъ къ пріятелю.

— Да не стѣсняетъ ли васъ пани Марія?—спросилъ Михаилъ Петровичъ.

Воробушкинъ признался.

Воробушкинъ признался, что ему не совсѣмъ ловко просить ее прислуживать. И только. Всего же, о чемъ передумалъ онъ за эти нѣсколько дней въ свои безсонныя ночи и готовился сказать, не сказалъ и не могъ сказать.

Ну, какъ это скажешь?

По добротѣ душевной и хлѣбосольству Михаилъ Петровичъ напригласилъ къ себѣ гостей полною домъ... зачѣмъ же было заманивать еще и Воробушкина, когда мѣста нѣтъ, да еще и судить ему полное забвеніе и отдыхъ? Воробушкина помѣстили въ домикъ къ пани Маріи за перегородку и въ сущности въ одной комнатѣ съ пани Маріей. А этого никакъ нельзя было дѣлать ни для него, ни для нея,—для нихъ обоихъ.

Это вѣрно—бываетъ такъ, что человѣкъ, которому оказана услуга, съ радостью въ благодарность за услугу готовъ чѣмъ-нибудь отслужить. Михаилъ Петровичъ, судя главнымъ образомъ по себѣ, нисколько не ошибался, предполагая, что и пани Марія рада будетъ отблагодарить и его, и Марью Сергѣевну. Пани Марія и вправду рада была отблагодарить Щелиныхъ! И въ одномъ

Михаиль Петровичъ ошибся, онъ совсѣмъ не подумалъ, какъ и чѣмъ можетъ и хотѣла бы ихъ отблагодарить пани Марія. Михаилъ Петровичъ вмѣсто того, чтобы, какъ это полагалось бы по правдѣ, оказавъ челоуѣку услугу, особенно зорко слѣдить за поступками своими по отношенію къ этому обязанному челоуѣку и печаянно какъ не напомнить ему объ услугѣ и тѣмъ самымъ не вызвать у него тягостнаго чувства должника, которому во что бы то ни стало надо расквитываться съ благодѣтелемъ, Михаилъ Петровичъ безъ всякой осторожности, нисколько не подумавъ о пани Маріи, а вспомнивъ лишь свою оказанную ей услугу, выбралъ такое дѣло, которое ему самому предоставляло удобства, и это дѣло въ сущности навязалъ исполнить пани Маріи за оказанную ей услугу. Ему надо было дѣвать куда-нибудь гостя, пріятеля своего, а мѣста въ домѣ не было, и вотъ хорошій случай для пани Маріи: пани Марія потѣснится, пустить къ себѣ въ домикъ щелинскаго гостя и будетъ прислуживать ему. Мало того, что не подумавъ о пани Маріи, Михаилъ Петровичъ навязалъ ей дѣло, лишь себѣ удобное, а и увѣрился, будто и для пани Маріи это дѣло удобное, а потому съ радостью будетъ она исполнять его.

Пани Марія никогда не забывала оказаннаго ей Щелиными добраго дѣла и рада была отблагодарить Щелиныхъ, и возможно, что, была бы рада ухаживать и все дѣлать для Марьи Сергѣевны, даже въ сѣни съ ребятами перебраться для Марьи Сергѣевны, но прислуживать щелинскому гостю она совсѣмъ была не рада, и если на предложеніе Михаила Петровича помѣстить у себя въ домикъ Воробушкина и прислуживать Воробушкину дала таки согласіе и потѣснилась и кое-какъ прислуживаетъ, ставить самовары и полъ мочить, то единственно и только по нуждѣ своей, по бѣдѣ своей, отъ несчастья своего. Ну, какъ же ей было отказать Щелинымъ, которые сдѣлали ей доброе дѣло, пріютили ее и поддерживаютъ и безъ которыхъ ей съ ребятами хоть по міру иди!

Ну, какъ это скажешь?

И сказать всего этого Воробушкинъ не могъ потому, что пріятель, заманивъ его въ Качаны, какъ разъ именно ради него, Воробушкина, и поступилъ такъ, и упрекать Михаила Петровича совсѣмъ не годилось, хоть и поступилъ онъ совсѣмъ необдуманно, поставивъ въ самое дурацкое положеніе прежде всего его же самого, которому обѣщаль забвеніе и отдыхъ, и огорчивъ и безъ того огорченную, судьбой обиженную, несчастную пани Марію. А кромѣ того, зная хорошо Михаила Петровича, было не безо-

пасно признаваться ему во всемъ по правдѣ: сгоряча Михайль Петровичъ можетъ, Богъ знаетъ, чего натворить—вѣдь Михайль Петровичъ никакъ не могъ понять, какъ это такъ пани Марія, обязанная всѣмъ ему и Марьѣ Сергѣевнѣ, не рада ихъ отблагодарить прислуживаніемъ Воробушкину! Михайль Петровичъ могъ сказать что-нибудь очень обидное пани Маріи и, наконецъ, вгорячахъ же просто пригрозить выгнать ее изъ домика.

— Да, мнѣ не совсѣмъ ловко просить ее прислуживать!—повторилъ Воробушкинъ.

И вотъ отъ несказанныхъ ли признаній, смутно проникшихъ въ душу, или отъ собственной догадки о той правдѣ, которую скрылъ Воробушкинъ, не желая упрекать пріятеля, и которую не допускалъ Михайль Петровичъ, Михайль Петровичъ вдругъ словно ошетинился.

— Я знаю, какъ васъ избавить отъ этой пани Маріи! Завтра же вамъ будетъ прислуживать кучерова дѣвочка Тая...

И, не дожидаясь отвѣта, Михайль Петровичъ прошелъ на половину пани Маріи—пани Марія во дворикѣ сидѣла съ ребятишками—и вернулся съ самоваромъ и трубой.

— А чайникъ у васъ есть?

Воробушкинъ оглядѣлъ столикъ—темно ужъ было,—на столикѣ, на подносѣ стоялъ одинъ стаканъ.

— Нѣтъ, нѣту!—сказалъ Воробушкинъ упавшимъ голосомъ, самъ не зная, чему испугавшись.

Михайль Петровичъ опять вышелъ и что-то долго шарилъ тамъ по полкамъ и принесъ чайникъ.

— Вотъ вамъ и чайникъ!

И, наложивъ крючокъ на дверь къ пани Маріи, подергалъ: крѣпко-ль? И также рѣшительно вышелъ онъ изъ домика черезъ балконную дверь. И скоро вернулся и не одинъ, а съ Таей, кучеровой дѣвочкой, очень похожей на Анюшку Богданову, въ красненькомъ платьицѣ: она поутру постучитъ въ балконную дверь, разбудитъ Воробушкина, будетъ носить ему воду, прибирать комнату и ставить самоваръ.

Тая побѣжала за углями. Михайль Петровичъ присѣлъ къ столу: какой-то онъ сталъ грустный такой.

— А этотъ чайникъ не пани Маріи?—робко спросилъ Воробушкинъ: ему показалось, словно бы раньше, всѣ эти дни, онъ пилъ не изъ такого.

Михайль Петровичъ рѣзко отвѣтилъ:

— Я далъ, я могу и назадъ взять. Никакого чайника у пани Маріи не было!

5.

Ночью прошелъ дождь.

Какъ спится подъ дождь сладко!

Воробушкинъ долго ворочался, и снилось ему что-то запутанное: и тащили его куда-то, и онъ тащилъ кого-то, потомъ очутился онъ въ какой-то комнатѣ, а въ сосѣдней комнатѣ лампа горитъ и очень отъ нея жарко, и вдругъ всѣ встали и ушли, и видитъ онъ, одинъ остался Михаилъ Петровичъ, голый Михаилъ Петровичъ моетъ полъ подъ лампой и у него рыбій хвостъ, и опять потащили, а Тая—Анюшка Богданова—въ красненькомъ платьицѣ стучитъ въ балконную дверь, а онъ и слышитъ, а встать не можетъ.

— Чайничекъ забрали!—услышалъ онъ ясно и съ болью открылъ глаза.

Еще чуть только свѣтъ, и тихо за окномъ.

— Чайничекъ забрали!—повторила пани Марія.

Старшій мальчикъ что-то со сна отвѣтилъ ей ворчливо.

И послышался одинъ долгій вздохъ, какъ только вздыхала пани Марія.

Воробушкинъ лежалъ съ открытыми глазами, сна ужъ не было.

— Чайничекъ забрали!—повторялось за перегородкой.

Пани Марія жаловалась Богу на обиду, какъ ее обидѣли: у нея домъ сожгли, загнали ее на чужую землю и теперь съ несчастной все, что угодно, могутъ сдѣлать.

— Чайничекъ забрали!—жаловалась пани Марія Богу, словно въ этой послѣдней обидѣ, въ этомъ чайничкѣ собралась вся ея обида, бѣда, все ея горе, она нашла имя бѣдѣ своей, назвала ее по имени и повторяла, обращаясь къ Богу.

Воробушкинъ лежалъ съ открытыми глазами, проникнутый этой душою надрывающей жалобой, и почему-то вспомнилась ему та молодая баба съ ребенкомъ, проводившая мужа, та баба, которая лежала въ пыли у жандармской комнаты на затоптанной травѣ, и голосъ пани Маріи слился съ ея голосомъ.

Пріѣхалъ водовозъ. Водовозъ долго громыхалъ ведрами. Пани Марія и ему рассказала о своей обидѣ и ужъ съ какою-то радостью заключила словомъ, въ которомъ собралась для нея вся обида, бѣда, все ея горе.

— Чайничекъ забрали!

А на вопросъ водовоза, куда наливать барину воду и гдѣ ведра, одно отвѣчала потерянная въ своей обидѣ, какъ тотъ въ бѣдѣ, у кого впереди одна бѣда.

— Ничего не знаю! Ничего не знаю!

Да и такъ, откуда ей знать: дверь на половину Воробушкина на крючкѣ, и ей нельзя пройти.

— Чайничекъ забрали!—опять съ какою-то радостью заключила она словомъ, въ которомъ собралась для нея вся обида, бѣда, все ея горе.

За водовозомъ постучала въ балконную дверь Тая, она постучала куда раньше, чѣмъ ей полагалось, но теперь Воробушкину все равно: раньше или позже. Тутъ ужъ и Тая не поможетъ!

Тая вынесла самоваръ на балконъ. А оставленные на балконѣ угли за ночь отсырѣли. Побѣжала за углями. И дай Богъ черезъ часъ самоваръ поспѣетъ!

Воробушкинъ заглянулъ въ окно къ черному ходу: тамъ на крылечкѣ сидѣлъ старшій мальчикъ и въ стаканѣ разминалъ чашки. Жалко ему стало. И зачѣмъ это онъ вчера затѣялъ разговоръ съ Михаиломъ Петровичемъ? Ну, взять бы ему тихо, смирно и уѣхать изъ Качановъ, и никто бы Богу не жаловался. Ну остался бы хозяинъ недоволенъ, конечно, посердился бы на него, но это совсѣмъ не то, совсѣмъ не то!

Пани Марія за перегородкой вздохнула, какъ вздыхала только пани Марія.

И опять начала она къ Богу свою жалобу о бѣдѣ и обидѣ, и о горѣ своемъ.

— Чайничекъ забрали!

Самоваръ поспѣлъ. Ловко и проворно внесла его Тая. Воробушкинъ заварилъ чай и ходилъ около стола, гдѣ стоялъ чайникъ. И такой маленькій представлялся онъ ему огромнымъ чугуномъ, пышущимъ, жаркимъ, какъ та жаркая лампа, заполнявшимъ собою всю комнату—и не приступисья!—чайничекъ заполнялъ всю половину домика, весь домикъ.

Часъ и другой претерпѣлъ Воробушкинъ, собирая свои вещи и укладываясь, чтобы немедля ѣхать домой, въ Петроградъ, на Дегтярную.

Чайничекъ, наполнивъ весь домикъ, заполнялъ щелинскіе Качаны съ домомъ, флигелями, полемъ и лѣсомъ, вездѣ онъ одинъ былъ и маленькій, а такой непомѣрный, такой пышущій, жаркій, какъ та жаркая лампа, подъ которой Михаилъ Петровичъ съ рыбымъ хвостомъ голый полъ мылъ, и ничего другого не оставалось, какъ бѣжать.

„Оттолкнуся, какъ шестомъ отъ берега и забуду!“—хватался Воробушкинъ за единственную спасительную мысль свою — бѣжать безъ оглядки.

Михаилъ Петровичъ на заявленіе гостя объ отъздѣ остался очень недоволенъ: какъ же это такъ, развѣ не нашель Воробушкинъ въ Качанахъ отдыхъ или не доволенъ, что много гостей, но вѣдь кто же этого не знаетъ, что среди лѣта въ деревнѣ всегда много гостей, и притомъ же онъ достаточно ясно предупреждалъ его въ письмѣ, говоря русскимъ языкомъ, что „постарается устроить покойно и удобно“, не сказаль, что „устроить“, а „постарается устроить“!

— Я же вамъ писалъ, что у насъ все занято—и домъ, и флигеля!—сердился Михаилъ Петровичъ, горюдя небывалое.

Воробушкинъ не возражалъ, Воробушкинъ старался какъ-нибудь оправдаться, ссылаясь на всякія тревоги, которыя его одолеваютъ, и что безъ Дегтярной онъ не можетъ. Но выходило не очень-то убѣдительно. Воробушкину никто не вѣрилъ, и онъ видѣлъ въ глазахъ одно осужденіе.

— Просто привередничаетъ!—говорили про него.

— Конечно, привередничаетъ! Какой чудесный, уютный домикъ, какія подъ окнами розы цвѣтутъ и жасминъ! А если съ пани Маріей не поладилъ,—находились-таки догадливые,—стоитъ ли на это обращать вниманіе!

А щелинскій кучеръ Филиппъ ужъ прилаживался на облучкѣ, по невеселому, по сѣрому деньку весело чтобы везти барина по прибитой дождемъ дорогѣ назадъ на станцію.

Алексѣй Ремизовъ.